



Агория

море Шайцзинь

Балар

дворец шаньсэня

Северная Аланди

Королевство  
Кията

Осенний дворец

Цзяпур

Весенний дворец

Зимний дворец

ТУРСКИЕ ГОРЫ

РЕКА ЛЭЯН

Забытые острова Апзура

Порт-Кэмалан

Шамбуские острова

океан Цуйянь



Однажды у меня была мама. Она научила меня добывать нити из коконов шелкопрядов, которых мы растили на тутовых деревьях в нашем саду, и сматывать их в пряжу. Мама терпеливо промывала тысячи коконов, а затем мы наматывали тонкие нити на деревянные катушки. Заметив, как я ловко пряду своими крошечными пальцами шелк, словно лучи лунного света, она уговорила папу взять меня в подмастерья.

— Запоминай уроки отца, — сказала мне мама, когда он дал свое согласие. — Он лучший портной в Гансуне, и если будешь усердно учиться, однажды и ты станешь лучшей в своем деле.

— Да, мама, — послушно ответила я.

Пожалуй, если бы она тогда сказала, что девушки не могут быть портными, моя история сложилась бы иначе. Но увы.

Пока мама растила моих братьев — храброго Финлея, вдумчивого Сэндо и непоседливого Кетона, — папа учил меня резать, штопать и вышивать. Он натренировал меня видеть за рамками простых форм и линий, манипулировать тенями и уравновешивать красоту структурой. Заставлял меня рабо-

тать со всеми видами ткани, от грубого хлопка до роскошных шелков, чтобы я достигла мастерства и могла отличить их на ощупь. Если я пропускала хоть один стежок, папа приказывал начинать все сначала, и на своих ошибках я научилась разнице между хорошо сидящим и неподходящим нарядом. Что дырку, сделанную по неосторожности, можно зашить, но ткань не восстановить.

Без папиного обучения я бы никогда не стала императорским портным. Но именно мамина вера придала мне сил, чтобы я хотя бы попыталась испытать удачу.

По вечерам, когда наша лавочка закрывалась, мама втирала мазь в мои онемевшие пальцы.

— Папа слишком тебя нагружает.

— Я не против. Мне нравится шить.

Она приподняла мое лицо за подбородок, чтобы посмотреть мне в глаза. Что бы она там ни увидела, это вызвало у нее вздох.

— Ты и вправду вся в отца. Ладно, но запомни: портняжное дело не только ремесло, но и искусство. Сядь у окна, ощути свет, понаблюдай за облаками и птицами. — Мама замолчала, глядя за мое плечо на выкройки, которые я вырезала весь день. — И не забывай получать от этого удовольствие, Майя. Сшей что-нибудь и для себя.

— Но мне ничего не нужно.

Мама задумчиво наклонила голову. Поменяв догоревшие благовонные палочки у нашего семейного алтаря, взяла одну из трех статуэток Аманы, стоявших в ряд. Вырезали их без особой филигранности, лица и платья выгорели на солнце.

— Почему бы тебе не сшить три платья для нашей богини-матери?

У меня округлились глаза.

— Мама, я не могу! Они должны быть...

— ...Самыми прекрасными платьями в мире, — закончила она за меня. Затем взъерошила мне волосы и чмокнула в лоб. — Я помогу тебе. Мы придумаем их вместе.

Я уткнулась лицом в ее грудь и так крепко обняла, что у нее из горла вырвался звонкий смешок, подобный мягким звукам цимбал.

Я бы все отдала, чтобы снова услышать этот смех. Чтобы увидеть маму еще раз, коснуться ее лица и расчесать пальцами копну черных волос, которые волнами упали бы ей на спину. Помнится, как бы я ни старалась, мне никогда не удавалось соткать шелк столь мягкий, как ее волосы. Еще я помню, что в детстве думала, будто веснушки на ее щеках и руках — это звезды. Мы с Кетоном сидели у мамы на коленях, и пока я пыталась их посчитать, он пытался их стереть.

А какие мама рассказывала нам истории! Это она мечтала уехать из Гансуня, чтобы жить у моря. Мама рассказывала нам сказки, которые передавались в ее семье из поколения в поколение, — о бесстрашных моряках, морских драконах и золотой рыбке, исполнявшей желания, — сказки, которые Сэндо впитывал, как губка.

Мама верила в фэй и призраков, в демонов и богов. Она научила меня шить амулеты для странников, вырезать бумажную одежду, которую сжигали в знак уважения к предкам, рисовать знаки,

оберегающие от злых духов. Но больше, чем во все остальное, она верила в судьбу.

— Кетон говорит, что мне не суждено стать портным, как папа, — хныкала я, расплакавшись из-за жестоких слов брата. — Он говорит, что девочки могут быть только швеями, и если работать слишком много, у меня никогда не будет друзей, и ни один мальчик не захочет на мне...

— Не слушай своего брата, — перебила мама. — Он не понимает, какой у тебя дар, Майя. Пока нет. — Она вытерла мои слезы краем рукава. — Важно другое: ты сама хочешь стать портнихой?

— Да, — пропищала я. — Больше всего на свете. Но я не хочу быть одинокой!

— И не будешь, — пообещала она. — Это не твоя судьба. Портные связаны с судьбой больше всех остальных. Знаешь, почему?

Я задумалась.

— Папа говорит, что с каждым стежком его работа оживает.

— Да, но это еще не все. Портняжное ремесло уважают даже боги. В нем есть что-то волшебное. Даже обыкновенная нить обладает большой силой.

— Силой?

— Я рассказывала тебе о нити судьбы?

Я покачала головой.

— Каждый человек связан с кем-то — с тем, кому предназначено быть с нами и делать нас счастливыми. Я связана с папой.

Я осмотрела свои запястья и щиколотки.

— Я не вижу никакой нити.

— Ее нельзя увидеть, — мама тихо рассмеялась. — На это способны лишь боги. Твоя нить может быть длинной, тянуться через горы и реки. Возможно, пройдут годы, прежде чем ты найдешь ее конец. Но ты сразу поймешь, когда встретишь нужного человека.

— А вдруг ее кто-то перережет? — забеспокоилась я.

— Ее ничто не может нарушить, поскольку судьба — это крепчайшая клятва. Вы будете связаны друг с другом, что бы ни произошло.

— Так же, как я связана с тобой, папой и Финлеем? И Сэндо?

Я злилась на Кетона, так что на нашу с ним связь мне было начхать.

— В некоторой степени, но чуть-чуть по-другому. — Мама ласково коснулась пальцем моего носа. — Однажды ты поймешь.

В ту ночь я взяла моток красной нити и привязала отрезок к своей лодыжке. Мне не хотелось, чтобы братья увидели и начали глумиться надо мной, поэтому я спрятала нить под штаниной. Но чувствуя, как мой секрет щекочет мне лодыжку при ходьбе, я невольно гадала, узнаю ли я, если встречу человека, с которым мне суждено быть. Нить затянется туже? Растянется и переплетется со своей второй половинкой?

Я не снимала ее месяцами. Мало-помалу нить изнашивалась, но не моя вера в судьбу.

Пока судьба не забрала у меня маму.

Она подкрадывалась медленно, в течение многих месяцев, как к кипарису у нашей лавочки. Каждый день с его тонких веток слетали листья — поначалу

всего несколько, но с приближением осени все больше и больше. А затем, одним утром я проснулась, а все ветки были голыми. И нашего кипариса не стало — по крайней мере, до весны.

Мама не могла ждать до весны.

Ее осень началась с легкого кашля, который она всегда скрывала улыбкой. Она забывала добавить капусту в любимые пирожки со свиной Филея, забывала имена героев из сказок, которые рассказывала нам с Сэндо перед сном. Даже позволяла Кетону выигрывать в карты и давала ему слишком много денег на прогулки на рынок.

Я не придавала этим оплошностям особого значения. Мама бы нам рассказала, если бы плохо себя чувствовала.

Затем, одним зимним утром, как раз когда я закончила украшать статуэтки Аманы тремя платьями — из солнца, луны и звезд, — мама потеряла сознание на кухне.

Я потрясла ее за плечи. В то время я была еще маленькой и с трудом смогла поднять ее голову себе на колени.

— Папа! — закричала я. — Папа! Она не приходит в себя!

Тем утром все изменилось. Вместо того, чтобы обращаться к предкам с пожеланиями хорошей загробной жизни, я молилась, чтобы они пощадили маму. Я молилась Амани — трем статуэткам, которые сама разукрасила и придела, — чтобы она позволила ей выжить. Чтобы мама смогла увидеть, как мы с братьями вырастем, и не оставила отца, который так ее любил, в одиночестве.



Каждый раз, когда я закрывала глаза и представляла будущее, я видела свою семью всем составом. Видела маму рядом с папой, как она смеялась и дразнила нас умопомрачительными ароматами своей стряпни. Видела братьев вокруг себя — Финлей напоминал мне, чтобы я сидела ровно, Сэндо украдкой подсовывал мне еще один мандарин, а Кетон дергал меня за косички.

Как же я ошибалась.

Мама умерла за неделю до моего восьмого дня рождения. В день праздника я сшила для семьи белую траурную одежду, которую мы носили последующие сто дней. В тот год зима выдалась особенно холодной.

Я срезала ниточку со своей лодыжки. Видя, каким разбитым выглядел отец без мамы, я не хотела быть связанной с человеком и переживать подобную боль.

Шли годы, моя вера в богов слабела, и я перестала верить в магию. Я отреклась от своей мечты и вложила все силы в то, чтобы скрепить нашу семью, чтобы быть сильной для папы, братьев и для самой себя.

Каждый раз, когда крупинцы счастья просачивались и заполняли трещины в моем сердце, судьба вмешивалась и напоминала мне, что от своей участи не уйти. Судьба забрала мое сердце и раз за разом уничтожала его: когда умер Финлей, затем Сэндо, и когда Кетон вернулся со сломанными ногами и призраками в глазах.

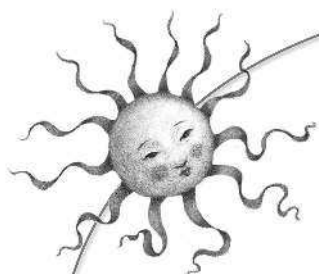
Прошлая Майя подбирала ошметки своего сердца и сшивала их. Но я уже не та девушка.

Теперь, когда судьба достигнет меня, я встречу ее лицом к лицу и подчиню себе.

Теперь у меня нет сердца.

ЧАСТЬ 1

# СМЕХ СОЛНЦА





## ГЛАВА 1

Осенний дворец освещали тысячи красных фонариков, висящих на столь тонких веревочках, что казалось, будто это воздушные змеи, перелезающие с крыши на крышу. Я могла бы всю ночь смотреть, как они танцуют на ветру и окрашивают сумерки теплым сиянием, но мою голову занимали другие мысли. Ведь под этим морем покачивающихся фонариков находилась площадь Полной Гармонии, и на ней готовились к императорской свадьбе.

Все было оформлено в красных тонах в честь женитьбы императора Ханюцзиня на леди Сарнай. Этот вид должен был бы радовать глаз. Я усердно трудилась и многим пожертвовала ради мира в Аланди, который наконец наступит благодаря их союзу.

Но я уже не та Майя, что прежде.

Алые дворцовые ворота со скрежетом открылись, и я протолкнулась через толпу слуг, чтобы увидеть свадебную процессию. Во главе должен был идти отец леди Сарнай, шаньсэнь. Я хотела взглянуть на мужчину, который выпотрошил мою страну изнутри, чья война забрала двух моих братьев, и чье имя вызывало трепет даже у зрелых мужчин.